Николай Колосовъ.

НА ВЫСТАВКѢ КАРТИНЪ

ПОЛѢНОВА

„ИЗЪ ЖИЗНИ ХРИСТА“.

(НЕПОСРЕДСТВЕННОЕ ВПЕЧАТЛѢНІЕ).

СИМБИРСКЪ.
ТИПО-ЛИТОГРАФІЯ А. Т. ТОКАРЕВА
1910.

На выставкѣ картинъ Полѣнова „изъ жизни Христа".

(Непосредственное впечатлѣніе).

О серіи картинъ В. Д. Полѣнова „Изъ жизни Христа" такъ много говорили и писали, что популярность этихъ картинъ выросла до необычайныхъ размѣровъ. Естественно поэтому, что желаніе видѣть много нашумѣвшее произведеніе могло зародиться въ душѣ, даже не особенно отзывчивой на впечатлѣнія художественнаго характера. Намъ лично крупное произведеніе маститаго художника на религіозную тему представлялось прямо событіемъ, мимо котораго пройти казалось, было совершенно невозможно. Когда стало извѣстно, что картины Полѣнова „Изъ жизни Христа" появились на Казанской выставкѣ „Современнаго русскаго искусства", мы рѣшили во что бы то ни стало посѣтить эту выставку. Обстоятельства сложились довольно благопріятно, и во второй половинѣ іюля прошлаго года мы отправились въ Казань. Думаемъ, что, на основаніи сказаннаго, читатель пойметъ то чувство почти благоговѣйнаго трепета, съ какимъ мы подходили къ огромному и красивому зданію Казанской художественной школы, гдѣ помѣстилась художественная выставка „Современнаго русскаго искусства". Намъ предстояло увидѣть преломленіе въ художническомъ сознаніи талантливаго мастера не одного какого-либо момента изъ сверхчеловѣческой, Божественной жизни,—намъ предлагалось художественное опредѣленіе всей Христовой жизни отъ плѣнительнаго въ своей про-

стотѣ ея начала и до трагическаго, великаго ея конца. Намъ было извѣстно, что художникъ выполненію своей грандіозной задачи посвятилъ огромную сумму труда, вниманія, изученія, времени, средствъ. По названію же серіи картинъ, данному ей самимъ художникомъ, можно было думать, что онъ имѣетъ дать художнически-наглядное представленіе не о жизни Іисуса, сына плотника, какъ это въ наше время склонны дѣлать многіе художники и ученые, а о жизни Сына Божія, Богочеловѣка, *Христа*. На Казанской выставкѣ „Современнаго искусства" кромѣ картинъ Полѣнова было представлено много другихъ—картинъ передвижниковъ, союза русскихъ художниковъ, весенней академической выставки и т. дал. Минуя всѣ эти отдѣлы выставки, мы прежде всего направились въ залъ, гдѣ были размѣщены картины Полѣнова. И должны сознаться—увы!—первое впечатлѣніе отъ прославленныхъ картинъ было у насъ впечатлѣніемъ самаго горькаго разочарованія. Вмѣсто того мягкаго, но сильнаго свѣта, вмѣсто того высокаго благородства и неземного величія, вмѣсто той ласкающей и живительной теплоты, какими, казалось намъ, должны бы были дышать картины изъ жизни Богочеловѣка Христа, мы увидѣли нѣчто такое сѣрое и будничное, что мы видимъ каждый день вокругъ себя въ своей собственной „человѣческой, только человѣческой" жизни. Такая особенность нашего впечатлѣнія, какъ оказалось потомъ, объяснялась тѣмъ, что художникъ въ своемъ творчествѣ вовсе и не задавался цѣлью воспроизвести жизнь Христа, какъ Богочеловѣка. Онъ не хотѣлъ даже рисовать Его, какъ личность, какъ характеръ, какъ активное творческое начало. Оказалось, что въ картинахъ г. Полѣнова центральное мѣсто занялъ не Христосъ, не Его Божественный Ликъ, а та обстановка, что Его окружала въ Его дѣятельности—эти дивные палестинскіе пейзажи, эта ослѣпительная яркость восточнаго солнца, эта чарующая гладь голубыхъ озеръ, эти рѣзкія и строгія очертанія горъ, особенности древне-еврейскаго быта и под. Об-

становка дѣятельности Христа, фонъ, на которомъ вырисовывается Его личность,—вотъ что занимало художника въ его грандіозной работѣ, а потому-то картины, способныя, быть можетъ, занять исключительное мѣсто въ ряду другихъ пейзажей и жанровъ, оставляютъ сравнительно слабое впечатлѣніе, будучи выставлены подъ самостоятельнымъ названіемъ „Изъ жизни *Христа*". Въ этихъ картинахъ нѣтъ не только Христовой Богочеловѣческой жизни, но нѣтъ жизни и просто человѣческой: въ нихъ живетъ только природа и живетъ бытъ, одушевленные умной и смѣлой кистью опытнаго и вдумчиваго мастера. Это особенно ярко замѣтно на такихъ картинахъ, какъ, напр., „Другіе суда", „Повели къ правителю" и под. Здѣсь внѣшняя рамка дѣятельности Іисуса Христа выступаетъ впередъ такъ упорно и рѣзко, что за нею не видно... рѣшительно ничего. На первой картинѣ мы видимъ лишь великолѣпно исполненный пейзажъ моря, на второй же лишь панораму города при красивомъ вечернемъ освѣщеніи. На этой послѣдней картинѣ „Повели къ правителю" не видно не только Іисуса, но не видно просто никого. Немногія фигуры людей занимаютъ здѣсь мѣсто, гораздо меньше, чѣмъ третьестепенное. На задній планъ отступаетъ фигура Іисуса Христа и всѣхъ вообще людей и въ большинствѣ другихъ картинъ Полѣнова. Таковы, напр., „Стали искать", „Поселился въ Капернаумѣ Приморскомъ", „Въ Канѣ Галилейской", „По засѣяннымъ полямъ", „Прибылъ въ Свой городъ", „Наставленіе ученикамъ", „Повели на распятіе", „Вошли на Голгоѳу", „Часто собирались у Геѳсиманіи", „Стерегли" и под. Вездѣ въ этихъ картинахъ прежде всего привлекаетъ вниманіе фонъ, обстановка, подробности, аксессуарная сторона дѣла. Самая же сущность извѣстной темы художникомъ не только не рѣшается, но даже и не затрогивается: онъ прямо обходитъ ее. Замѣтно это даже на такихъ картинахъ, гдѣ художникъ подходитъ къ моментамъ, въ которыхъ Христосъ больше всего долженъ

бы выступать, какъ исключительная и единственная въ міровой исторіи Личность, какъ Божій Сынъ, какъ Богочеловѣкъ. Это — „Возвратился въ Галилею въ силѣ духа", „Онъ училъ", „Привели дѣтей", „У Мареы и Маріи", „Кто изъ васъ безъ грѣха?" „Тайная вечеря", „Прискорбна душа моя", „Повиненъ смерти", „Предалъ духъ" и др.

Къ сожалѣнію, и здѣсь очень часто въ г. Полѣновѣ художникъ пейзажистъ и жанристъ побѣждаетъ художника мыслителя и психолога, стоящаго лицомъ къ лицу предъ Тѣмъ, Кто есть единая Истина, и созерцающаго единственственную въ мірѣ драму. Въ первой изъ названныхъ картинъ личность Іисуса, запечатлѣнная — дѣйствительно — силою и вмѣстѣ кротостію великаго духа, высоко-вдохновенная и нечеловѣчески гармоническая, почти теряется на фонѣ роскошной картины палестинной природы. На картинѣ „Онъ училъ" совсѣмъ не видно Того Іисуса, Который говорилъ, какъ власть имѣющій, и Который Своимъ ученіемъ увлекалъ за Собою множество народа. Здѣсь Іисуса окружаетъ только незначительная горсточка людей, какъ бы случайно забредшихъ въ высокія и пустынныя горы. Эта же излишняя и противорѣчащая исторіи простота замѣтна и на картинѣ „Принесли дѣтей". На основаніи того, что апостолы, не желая утруждать Учителя, не хотѣли пускать къ Нему дѣтей, можно думать, что этихъ дѣтей было больше тѣхъ 2—3 малютокъ, что видны на картинѣ Полѣнова. Христа, какъ полнѣйшаго обладателя и носителя Божественной мудрости, мы видимъ на картинахъ „У Мареы и Маріи" и „Кто изъ васъ безъ грѣха?" Однако, и въ данномъ случаѣ ясно, что художникъ большее вниманіе обратилъ не на то, чтобы наилучшимъ образомъ одухотворить Христовъ Божественный Ликъ, а на то, чтобы вѣрнѣе и красивѣе передать бытовыя картины древне-еврейской жизни: на первой картинѣ — семейной, домашней, на второй — уличной, массовой, народной. Въ картанахъ же „Тайная вечеря", „Прискорбна душа моя", „Повиненъ смерти" и „Предалъ духъ" наибольшій интересъ художника сосредоточенъ на томъ, чтобы правдивѣе и ярче показать то эффекты освѣщенія, какъ въ картинахъ „Тайная вечеря" и „Повиненъ смерти", гдѣ томный свѣтъ луны причудливо борется съ красными бликами комнатныхъ лампадъ, то ночной мракъ и ночную мертвую и пугающую неподвижность, какъ на картинахъ „Прискорбна душа Моя", гдѣ Геѳсиманскій садъ изображенъ погруженнымъ въ ночную темноту и какъ бы застывшимъ въ ней, и — „Предалъ духъ", гдѣ на фонѣ ночного неба четко и мрачно выступаютъ черные и неподвижные силуэты деревьевъ, словно таящіе въ себѣ великую и грозную тайну. Опредѣленнѣе, чѣмъ на другихъ картинахъ, Христосъ представленъ въ этюдахъ: „Нашли въ храмѣ посреди учителей", „Былъ въ пустынѣ", „Марія Магдалина", „Самарянка", „Удалился въ пустынное мѣсто"... Здѣсь уже видимъ Божественный характеръ, здѣсь видимъ сверхчеловѣческую дѣятельность нечеловѣческаго духа, здѣсь видимъ проявленія вѣчной, абсолютной жизни. Въ названныхъ картинахъ Христосъ выступаетъ передъ нами, уже какъ великій Сердцевѣдъ, великій Подвигоположникъ и Страдалецъ за человѣка и за человѣческій грѣхъ. Здѣсь передъ нами Божественный Спаситель, хотя и носящій смиренный зракъ человѣческій, зракъ рабій. Въ простотѣ и смиреніи здѣсь, однако, воочію открывается небесное и святое. При обозрѣніи этихъ картинъ, незамѣтно для насъ первое впечатлѣніе отъ произведенія г. Полѣнова разсѣивалось, уступая мѣсто высокому и спокойному эстетическому наслажденію. Сила же обаятельности Христова ученія и Христова образа, сила дѣйственности Его на человѣческую душу художественно воспроизведена на картинахъ Полѣнова: „Іуда раскаялся", „Сотникъ", „На разсвѣтѣ пришла Марія", „Стояла у гроба". На этихъ картинахъ уже совсѣмъ отдыхаетъ и успокаивается наша душа, находя въ нихъ Того Христа, Который всѣмъ ищущимъ Его давалъ покой, отраду и утѣ-

шеніе. На лицѣ Іуды изображенъ не только ужасъ отчаянія христопродавца, но и безысходность его состоянія: на картинѣ Полѣнова изображенъ тотъ моральный тупикъ, который неминуемо ведетъ къ висѣлицѣ. На лицѣ сотника мы ясно читаемъ психологію человѣка, въ душѣ котораго начался болѣзненный, но спасительный переворотъ. Необычайная кротость, изумительное терпѣніе и безпримѣрность всепрощенія только-что Распятаго буквально растопили сердце сотника, суроваго и твердаго, какъ металлъ его оружія, и на его лицѣ, какъ и въ его душѣ, загорается что-то новое, небывалое, мягкое, женственное и радостное: язычникъ перерождается въ христіанина, распинатель преобразуется въ сораспинаемаго. Очаровательна по своей трогательности картина, изображающая Марію Магдалину у гроба Спасителя. Безсильная побороть свою скорбь, свою неизмѣримую сердечную тугу и душевную тоску по Распятомъ, но Праведномъ Равви, она, одинокая, смиренная, робкая и молчаливая, идетъ къ Его гробу и становится у гигантскаго дерева, оберегающаго входъ въ пещеру. Онъ вотъ здѣсь. Совсѣмъ близко... О... Единый, святой, великій, Божественный... Мертвый, но безконечно дорогой, любимый, сладостный. Такъ близко... И ощущеніе этой близости успокаиваетъ. Но продолжаетъ тяготить горечь потери. Однако, смутная надежда на что-то опять какъ будто умиротворяетъ душу. Все это переплетеніе различныхъ переживаній живо представлено для насъ на картинѣ Полѣнова въ образѣ Маріи, одиноко стоящей у гроба въ предразсвѣтной тьмѣ іосифовскаго сада. Но уже полный и высокій художническій восторгъ испытали мы, при видѣ послѣдней картины въ серіи Полѣнова—„Возвѣстила плачущимъ“.

— Нѣтъ больше смерти! Онъ воскресъ! Я Его видѣла! Я Ему поклонилась. Радуйтеся!

Этотъ бурный крикъ обрадованной, сіяющей отъ счастья нежщины ярко переданъ на картинѣ Полѣнова. Именно такъ,

на *картинѣ переданъ крикъ*. Онъ становится намъ почти слышенъ, едва мы вглядываемся въ экстатически блестящіе глаза равноапостольной мироносицы. Слышащія этотъ крикъ другія женщины еще не вѣрятъ, еще сомнѣваются, подобно ученикамъ Крестителя на знаменитой картинѣ Иванова; онѣ еще какъ бы не въ состояніи опомниться отъ тяжелаго и жуткаго кошмара. Но глаза Маріи, ихъ неподдѣльная радость, ихъ зажигательный блескъ ясно говорятъ, что женщины повѣрятъ, что онѣ убѣдятся, что вотъ-вотъ,—и ихъ поблекшіе отъ слезъ глаза загорятся жизнью и веселіемъ. и онѣ всецѣло раздѣлятъ радость Маріи и вмѣстѣ съ нею пойдутъ на встрѣчу Воскресшему туда... въ Галилею...

Безусловно жаль, что В. Д. Полѣновъ къ большинствѣ картинъ „Изъ жизни Христа“ не далъ намъ образа Іисуса, какъ Спасителя міра. Но у насъ нѣтъ никакихъ основаній думать, что онъ сдѣлалъ это умышленно или тенденціозно. Мы могли бы обвинять художника лишь въ томъ, что онъ сузилъ свою задачу, отказавшись отъ изображенія Христа, какъ Богочеловѣка. Но вѣдь въ этомъ случаѣ художникъ могъ руководиться своими особыми мотивами, можетъ быть, чисто техническаго и вовсе не религіознаго характера. Въ правѣ ли мы поэтому обвинять его? Конечно, нѣтъ. Что же касается послѣднихъ картинъ г. Полѣнова, то вольный или невольный тонъ ихъ вполнѣ говоритъ за то, что Христосъ, какъ Спаситель, понятенъ и близокъ сердцу художника, что христіанскія религіозныя настроенія не чужды чуткой художнической душѣ, что сладостный Ликъ Богочеловѣка ее могуче къ Себѣ влечетъ и глубоко ее волнуетъ. Въ изображеніи Христа и Христовой жизни г. Полѣновъ сдѣлалъ то, что могъ. Выявленіе же въ искусствѣ *всего* Божественнаго могущества Христова, всего необъятнаго величія Его духа,—это можетъ быть доступно лишь исключительному художническому генію, какого пока у насъ еще нѣтъ

Н. Колосовъ.